

ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК

МУЗЕЙНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ
ИЗДАНИЕ

Выходит с июня 2012 года. № 1(4). Февраль 2013

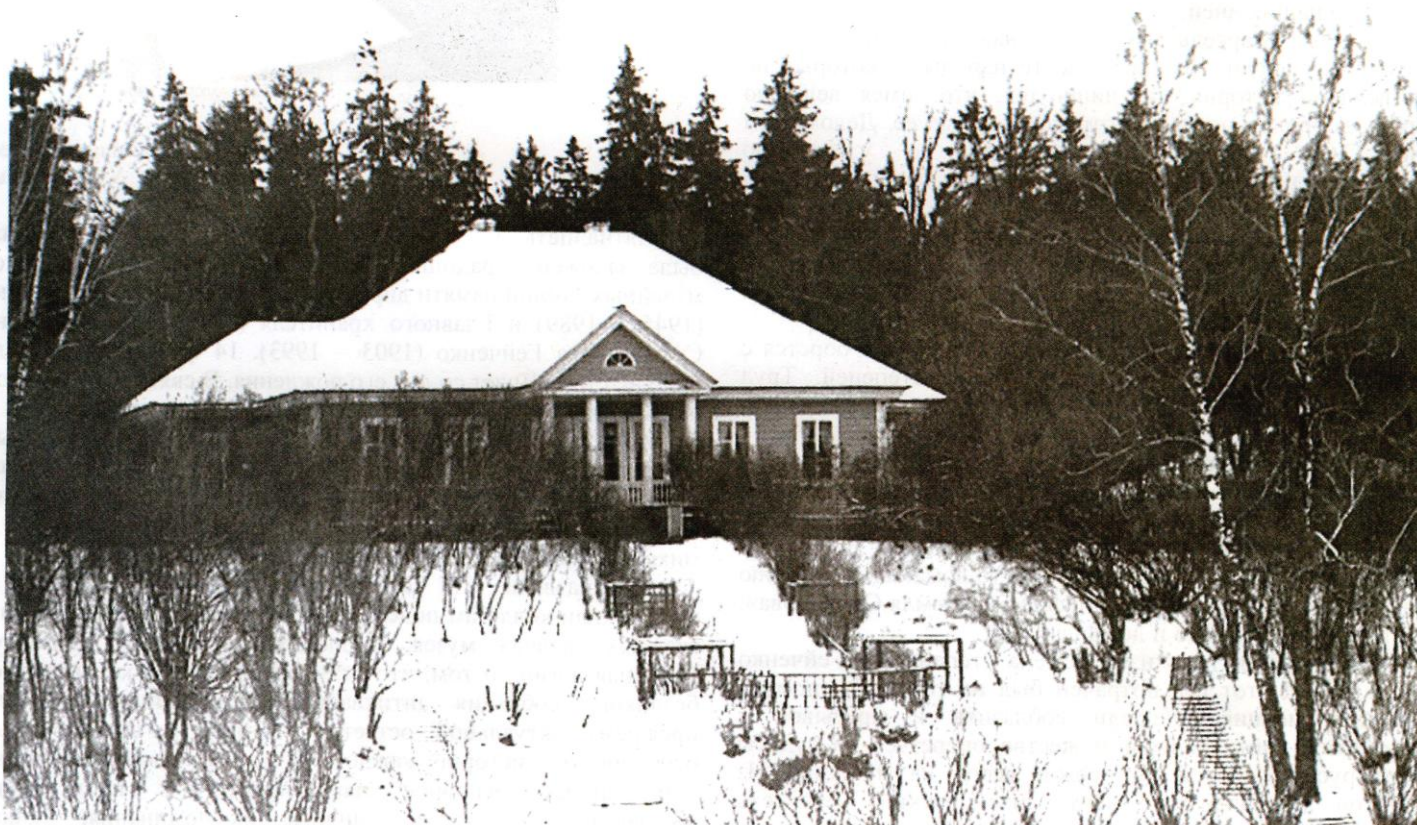

ФОТО В. АХЛОМОВА. НАЧАЛО 1980-х

Пора, мой друг, пора! покоя сердце
просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить... И глядь –
как раз – умрем.

На свете счастья нет, но есть покой
и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

А.С. Пушкин. 1835 (?)

Время Жизни

«Все врут календари...». Эти слова А.С. Грибоедова невольно вспоминаются сегодня, в канун февраля. День памяти Александра Сергеевича Пушкина и день рождения Семена Степановича Гейченко, служившего памяти Поэта без малого пятьдесят лет, всегда были рядом. Не уходил из народной жизни, хоть и не особо приветствовался советской властью, и церковный праздник Сретения, невольно напоминавший о едином божественном течении времени, о встрече Ветхого и Нового Заветов, о продолжении века девятнадцатого в веке двадцатом. И еще о том, что века сопрягаются не календарём, а человеком, творящим по Божьему произволению.

В минувшем году, готовясь к грядущему в 2013 году 110-летию С.С. Гейченко, сотрудники музея-заповедника от своих друзей из Петергофа получили копию документа о рождении Семена Степановича. Дата эта была иной, нежели та, к которой мы привыкли: «14 февраля 1902 года». Не девяносто, а девяносто один год земного бытия был дан этому удивительному человеку. Он прожил жизнь, соединившую собой Российскую Империю и Советский Союз с современной Российской Федерацией через мировые войны и революции, через поколения, - от современников Александра Сергеевича Пушкина до наших дней.

Писатель Марсель Пруст однажды заметил, что варварскими следует называть не те народы, у которых не было великой истории, но лишь тех, кто, имея великую историю, добровольно от нее отрекся и забыл ее. Делом всей жизни С.С. Гейченко стала работа по удержанию исторической памяти России, которую бури двадцатого века стремились разорвать и уничтожить. В этом пушкинский Хранитель, был похож на своего героя, на самого Пушкина. В своем девятнадцатом веке Александр Сергеевич был таким же «связным», таким же хранителем памяти ушедших поколений в современной ему жизни.

Жестокость и беспощадность, с которой время борется с людской памятью, не имеет измерений и степеней. Труд хранителя всегда неблагодарен и тяжок. Каждый век в своем стремлении к главенству изошрен в образах и событиях, с помощью которых стремится внушить современникам свое превосходство. Действительным и по-настоящему ценным обывателю кажется лишь его маленькая жизнь. И уже не вызывает удивления, что едва ли не самыми любимыми строками «героев нашего времени», круто ломающих историю страны, стали слова песни из кинофильма «Земля Санникова»: «Есть только миг, за него и держись...»

Девяносто один год жизни Семена Степановича Гейченко – почти век. И этот век потрачен был на то, чтобы помочь своим современникам, среди соблазнов и призывов к беспамятству, найти силы и мужество опереться на судьбы великих русских людей. И, прежде всего, на Пушкина. Из «золотого» девятнадцатого века Михайловский Хранитель привел к нам на помощь и самого Поэта, и его верных лицейских друзей, героев и творцов прекрасного и живого сказания о величии нашей Родины. С Гейченко в Пушкинский Заповедник вошел и навсегда остался нервный и изысканный, прагматичный и фантастический «серебряный век». Его «Лукоморью» довелось пройти сквозь пожарища Великой Отечественной войны и потом, на гари и пепелище, воссоздать дом и мир Пушкина. Туда, в этот мир, он пригласил всех нас. И мы вошли в гости к поэту и к себе самим - домой.

На склоне лет, предчувствуя новые потрясения, ожидающие Родину, он оставил нам как «завет внуку», как свое понимание смысла и красоты жизни - Пушкинский Заповедник, наше Пушкиногорье. Это не только музей, не только место, воспетое Поэтом, - это пространство, которое требует наших трудов и нашей любви. Это - служение на все времена. И пока музейная работа длится, пока верны мы памяти Поэта и наших великих предков, - продолжается Россия во всей ее небесной и земной славе. Продолжается пушкинский век - время творчества, время Жизни.

Г.Н. Василевич,
директор Пушкинского Заповедника

Хранителю посвящается

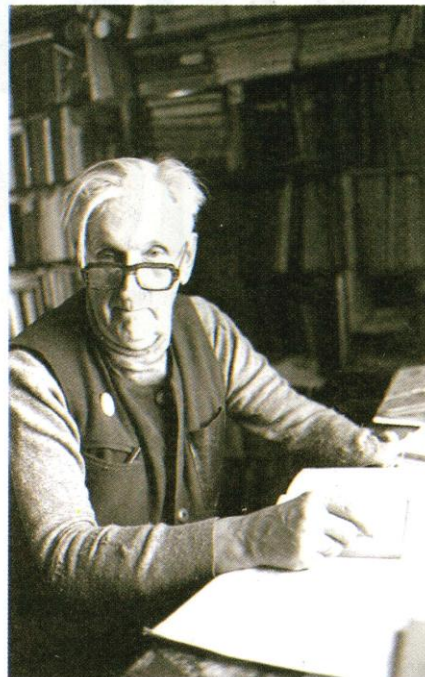

ФОТО В.В. АХЛОМОВА. 1960-е

Музеи - это хранилища чудес.
С.С. Гейченко. У Лукоморья

Пятнадцать лет назад, по инициативе Г.Н. Василевича, была заложена традиция проведения Февральских научно-музейных чтений памяти директора Пушкинского Заповедника (1945 – 1989) и Главного хранителя (1989 – 1993) Семена Степановича Гейченко (1903 – 1993). 14 февраля 2013 года исполняется 110 лет со дня его рождения. В связи с юбилейной датой личность легендарного Хранителя снова оказывается в центре всеобщего внимания. Круглый стол, который планируется провести в рамках чтений, будет посвящен проблемам музеефикации мемориального пространства вообще и вопросам создания мемориального кабинета в михайловском доме С.С. Гейченко, в частности.

Мы назвали XVI Февральские чтения «Хранители» и предложили коллегам поделиться опытом и размышлениями о главных задачах музея, о людях, на которых держится музейная жизнь, о том, что отличает музейные коллекции от безликого собрания антиквариата. Традиционной и по-прежнему актуальной остается разговор о неповторимых особенностях истории каждого музея. В настоящее время определены основное направление 4-х предстоящих заседаний: краеведение, личные воспоминания, общие подходы к мемориальному пространству, аспекты музейной деятельности Пушкинского Заповедника. В этом году особенно внушительна делегация земляков Семена Степановича. Это сотрудники Государственного музея-заповедника «Петергоф», представители гимназий, где учился будущий Хранитель, председатель общества «Возрождение Петергофа» и работники Центральной районной библиотеки Петродворца. Традиционно представлены Москва, Петербург; также Ломоносов, Хмелита, Псков, Порхов. Активное участие в чтениях принимают сотрудники Пушкинского Заповедника.

В связи с планируемым изданием трехтомника сочинений С.С. Гейченко музей будет признателен за информацию о письмах и иных рукописях С.С. Гейченко, находящихся в государственных и частных собраниях. С благодарностью принимаются дары.

Заседания пройдут в Малом зале Научно-культурного центра в Пушкинских Горах **14 – 16 февраля 2013 года.**

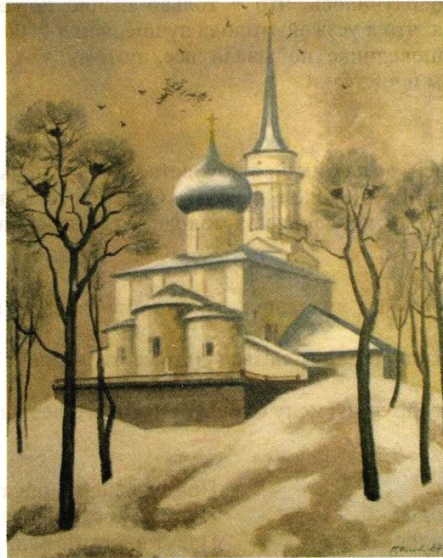
Организаторы чтений

К 176-й годовщине гибели А.С. Пушкина

НАКАНУНЕ

И ночь еще до поединка.
Еще придет к нему жена,
Покорна, как простолоудинка,
Как Таня Ларина бледна.
Не лиственная ласка ивы –
Склоненных веянье кудрей...
Еще свече дрожать счастливо
От жизни, дышащей над ней.
Еще так долго светло-серый
Туманный город проезжать,
Еще отмеривать барьеры
И пистолеты заряжать.
И опасение осечки,
И торопливый шаг вперед,
И красный грохот Черной речки,
Внезапно хлынувшей в живот.
Еще смеркаться снежным далам
В необитаемую тьму,
И лишь тогда, –
протрившись с Далем, –
По книжным полкам – одному.

Татьяна Галушка

П. ОССОВСКИЙ. СВЯТАЯ ГОРА. 1987
Из фондов Кировградского областного художественного музея

6 ФЕВРАЛЯ

Опывая, гаснут свечки
В смутной памяти времен.
Белый снег на Черной речке
Красной кровью обгарен.

Гробовщик стругает доски,
Крестится на образа.
Гасит Пушкину Жуковский
Отгладевшие глаза.

Стонет мир. В метельном гуле
Кругом ходит голова.
И летят в века как пули
Лермонтовские слова.

Никогда метели белой
След кровавый не заместь.
В откровенности несмелой
Покраснела наша честь.

Длится гибель друг за друга,
К своему идет концу.
И наотмашь хлещет вьюга
Красным снегом по лицу.

Михаил Дудин

В ПУШКИНСКИХ ГОРАХ

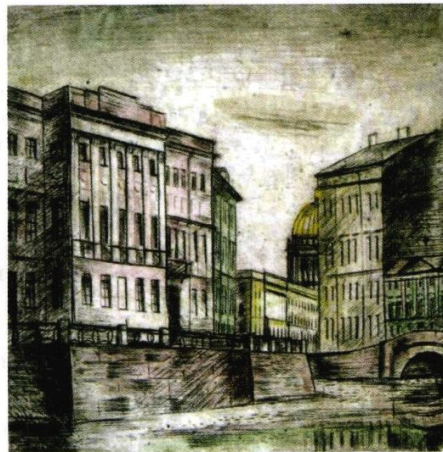
Мы несли венок еловый
С белой лентою шелковой.
И метельные витки
Вили на небе венки.

Вверх по лестнице взбегал
Музыкантский взвод. Металл
Грянул «Славься», и заглавный
Колокол заклокотал.

И под занавес метельный
Всех коснулся миг смертельный,
И, бессмертьем осенен,
Каждый был усыновлен.

Здесь была его держава,
А над ним кружила слава:
Слава! Слава! И пурга
Словно вещая рука.

Раиса Вдовина

КОРИННА ПРЕТРО. МОЙКА, 12. 1980

ЗИМНЯЯ НОЧЬ
У СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Мельканье вьюги, низкий вой,
И тьма на каменных ступенях,
И в темноте над головой
Ветвей безжизненных кипенье.

Их вьюга заставляет жить –
Свиваться, дергаться, качаться,
Неволит их в ночи кружить,
С другими кронами встречаться.

Пустыня ночь. Но не пуста.
И эти камни вековые,
И бег согбенного куста –
И впрямь как будто часовые.

Мне не уйти от них. Куда?
Зачем бежать от вьюги этой?
О, эта зимняя вода
Дороже мне, чем волны лета.

Яков Гордин

БАЛЛАДА О ДУРНОЙ ПРИМЕТЕ

Он – курчав и смугл. А румянец – ал.
Гнать велел коней. «В Петербург!» – сказал.
Распирало грудь. Путал мысли ром.
Вдаль летел возок снежным севером.

А назад летел частокол из лип.
Лошадиный храп. Да полозьев скрип.
Ошибись, ямщик! Заверни в сугроб!
Остуди, снежок, воспаленный лоб!

В эту даль – нельзя! Там черна гроза!
А седок вздохнул и закрыл глаза...
Видно, жизнь ему будто в горле ком –
Что в тюрьме сырой, что в Михайловском...

«Там – мои друзья! Мне без них – невмочь!
Если битва там – я бы смог помочь!
Если ж прахом всё и в крови родник
нашей Вольности – знать, и я должник!..»

А над ним летит та, чей голос тих,
та, что боль и грусть превращает в стих,
та кому легко и его житье –
и звучит над ним голосок ее:

«Ты избранник мой, я твоя судьба,
я молю тебя – не губи себя!
Риск – удел друзей, а твоя корысть:
ночью свечи жечь, утром – перья грызть!..»

«Нет, оставь, отстань – не могу я так!
Или дружба – пыль и ценой в пятак?...»
«Их пути – трудны, а твои – трудней,
ты должник судьбы – не забудь о ней!..»

А глаза ее, как глаза Аннет...
А метельный снег замечает след...
И исчезла тень, повторив: «... судьбы!» –
так, что кони вдруг встали на дыбы!

- Что там, брат-ямщик? – А ямщик сквозь жуть:
- Да косою, видать, перебег нам путь!
- Знать, охота, что ль? Слышь – собачий лай? –
А седок кричит: - Заворачивай!..

И опять летит частокол из лип.
Лошадиный храп. Да полозьев скрип.
А метельный снег замечает след –
замечает след... на двенадцать лет...

Олег Левитан

Михайловское, февраль...

Я просто не могу представить, как это случилось, что я только нынче попала сюда впервые! Впечатление так необычайно и так благодатно, что мне кажется, что я уезжаю отсюда лучше, чем я была, когда приехала сюда.

Мне хочется, чтобы в Пушкинском заповеднике побывали все, потому что люди, не дышавшие никогда этим воздухом, обкрадывают себя в чём-то большом и чистом.

17-19 февраля 1948 г.

З.а. РСФСР Ольга Беюл

Посетив село Михайловское, его дом-музей, домик няни, я почувствовал ещё сильнее, как дорог великий русский поэт не только русскому народу, но и всем большим и малым народам Советского Союза. Наши только что создаваемые национальные литературы учатся у Пушкина, в их числе и наша молодая чукотская литература.

13 февраля 1954 г

<Юрий> Рытхэу

Если я теперь представляю собой что-то как художник, то это произошло, в значительной степени, благодаря Михайловскому.

Здесь рождены лучшие мои вещи. 23 года назад я назвал эти места второй Родиной. Сейчас я с еще большей уверенностью повторяю это.

Низкий поклон и сердечный привет моему другу Семену Степановичу и его верным помощникам.

12 февраля 1980 г.

Звонцов

Летят часы и годы.
Но ты, певец свободы,
В сердцах народа жив.
Приют твой посетив,
Брожу я упоенный,
Душою окрыленный.
Средь многих откровений
Прими, о милый гений,
Моей любви посланье,
И робкое дыханье
К тебе пусть долетит.
Ещё один пиит
Дерзает отличиться.
И за тобой пуститься,
В мир неги и трудов,
Поэзии, стихов.
Прими благодаренья
За чудные творенья,
И я к тебе опять

Приду дышать, писать.
И слёзы восхищенья
Падут вновь от волненья:
Я здесь, и я с тобой.
Ты ж с нами, ты живой.

Стихи мои не совершенны, но они выражают неподдельное чувство любви к истинно русскому народному и вечно живому А.С. Пушкину.

Огромное Вам спасибо, милые хранители, за всю Вашу самоотверженную работу по сохранению памяти великого поэта.

Обязательно ещё сюда вернусь, обязательно.

11 февраля 1987 г.

рабочий из г. Андропов Киршин С.В.

Земной поклон всем, кто так бережно, так любовно хранит память о нашем Пушкине!
Спасибо Вам! Спасибо, Семён Степанович.

14 февраля 1987 г.

г. Ростов-на-Дону. В. Еремин

Счастливы встречей с А.С. Пушкиным!

В наше ошалелое время разброда, пошлости и безверия дух русского поэта созиждет благостность Руси.

8 февраля 2000 г.

Акимов Ф. из СПб

С днём рождения, дорогой наш дед Семён!

Славными руками Вашими созданы богатства духовные, цены которым не смогут определить ни поколения предшествующие, ни поколения последующие, ибо наследие Ваше бесценно. Дело Ваше живёт и дай Бог благословения всем тем нынешним старателям, которые искренне желают продолжения и развития всему тому, что было начато Вами.

14 февраля 2003 г.

Дима Гейченко
в 100-летний юбилей С.С.Г.

Спасибо за сохранение дела С.С. Гейченко.

Февраль 2012 г.

(без подписи)

Материал подготовила И.Н. Крылова,
научный сотрудник музея-усадьбы «Михайловское»

Мне, одному из хранителей наследия великого поэта, много думалось о том, как воспринимают люди реально существующий в Пушкиногорье мир Пушкина. В чем сказывается его влияние на человека, к чему его подталкивает, от чего удерживает, как выверяет его жизненный путь?

Я получил тысячи писем-отзывов от паломников, встречался и беседовал с очень многими людьми. И вот что мне стало ясно. Приходя сюда, люди стараются раскрыть в себе то хорошее, что в них есть, свои чувства и мысли об Отчизне, давшей миру великого поэта, свою доброту, ум, сердце. Они стараются, если говорить словами создателя Толкового словаря русского языка В. Даля, "глубоко вникнуть в суть того действия, куда пришли по велению сердца". А когда они покидают это заповедное место, то выходят с новыми мыслями, чувствами, с проникновением в понятие красоты, любви, дружбы, товарищества, "чувств добрых", милосердия...

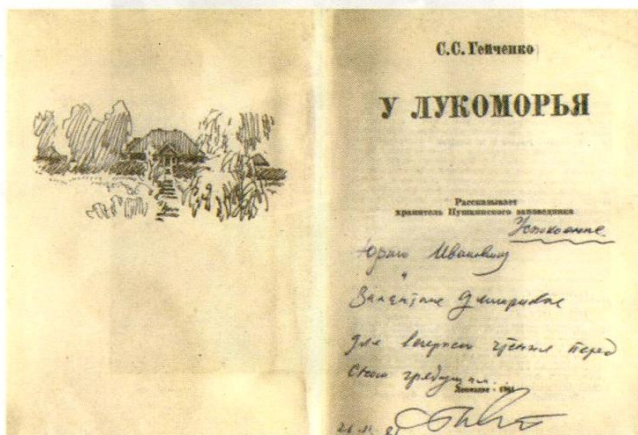
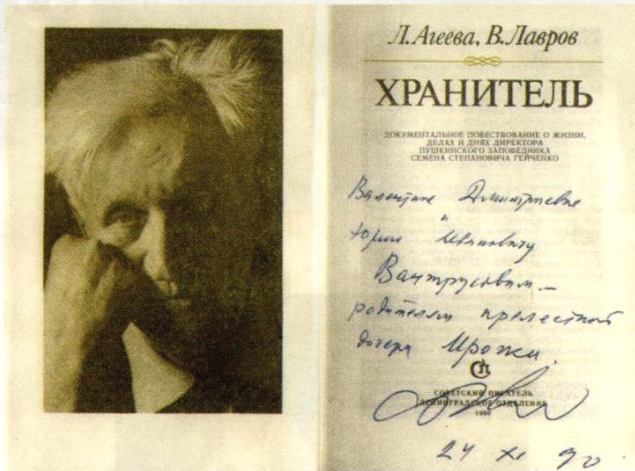
С.С. Гейченко. Возрождение. Из книги «У Лукоморья». 2013

На добрую память

В августе 1975 года я, тогда студентка филфака ЛГУ, оказалась в Михайловском на практике. Месяц водила экскурсии. Через год приехала снова, чтобы убедиться: здесь и только здесь хочется работать. С собою в поездку из родительской библиотеки было взято первое издание книги С.С. Гейченко «У Лукоморья», и Семен Степанович, по моей просьбе, оставил на нем пространный автограф. После шутливого обращения он единым росчерком изобразил свой знаменитый портрет и добавил шутливые же приписки: "Месяц и число пылью занесло" и "Место вручения шибко интимное" (а это было крылечко старого "Дома Калашникова"). Книга к родителям, понятное дело, не вернулась, но я постаралась компенсировать «утрату». Уже став сотрудником музея, отправила им 3-е издание, где значилось: «Валентине Дмитриевне и Юрию Ивановичу. На добрую память от автора. С. Гейченко. 6. XI. 77».

Понятно, что собственная библиотека тоже исправно пополнялась изданиями книг Семена Степановича, а позже о нем. Накапливалось и собрание автографов. Но сегодня хочется остановиться на двух из них, обращенных к моим родителям. Потому что в этих словах с годами проступил смысл, которого мы не замечаем, пока молоды. И стали дороже знаки внимания, оказанные не только им, а теперь кажется, что даже не столько им, сколько их дочери, то есть мне. Надписи делались в ноябре, когда мои папа и мама отмечали свои дни рождения. Первая – на титульном листе 4-го издания «У Лукоморья»: «Успокоение. Юрию Ивановичу и Валентине Дмитриевне для вечернего чтения перед сном грядущим... 26.11.81». И другая, ставшая последней – на книге В. Лаврова и Л. Агеевой «Хранитель»: «Валентине Дмитриевне и Юрию Ивановичу Вантрусевым – родителям прелестной дочери Ирочки. Подпись. 24.XI.90». Бесценные для меня слова.

И.В.

КНИЖНАЯ ЯРМАРКА В МИХАЙЛОВСКОМ.
ФОТО В.В.АХЛОМОВА. 1960-е

Книга в подарок

Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед...

М. Цветаева

Моя мама родилась в Пушкинских Горах. Этим она всегда гордилась и была предметом зависти подруг: не в Мехове, не в Астахнове, не в Кириллове — а в земской больнице в Пушкинских Горах! И эта гордость за Пушкинские Горы сопровождала ее всю жизнь. В 18 лет она уехала учиться, и так случилось, что на родину она вернулась только через 50 лет.

На день рождения ее сестра присылала подарки, добытые, как правило, на Праздниках поэзии. Мне запомнились швейцарские конфеты. Были и другие дефициты. Но подарком особенным, юбилейным, была книга С.С. Гейченко «Волшебные места, где я воскрес душой». Дарственная надпись тетки гласит: «Любимой сестрёнке в день 55-летия! Помни и не забывай свой Пушкинский край!». Я не буду утверждать, что книга была прочитана от корки до корки. Или цитировалась к месту и не к месту. Но в семье она хранилась как ЦЕННОСТЬ. Иногда доставалась и перелистывалась. Иногда что-то из нее перечитывалось. Но все в доме знали: эту книгу надо бережно хранить, как самое дорогое имущество.

С таким же чувством смотрелись документальные фильмы о Михайловском. Стоило на экране мелькнуть «Горбатою мостику», «Мельнице крылатой» - и у телевизора устанавливалась торжественная тишина, и до конца фильма мы пристально смотрели на экран - и никуда больше. Что это было - «тоска по Родине», интерес к Пушкину, - я не берусь определить сейчас, когда у мамы уже этого не спросить — но всегда было чувство, что это главное, важное, интересное.

Мама несколько лет уже нет. А книги о Пушкиногорье сохранились. За свою жизнь я несколько раз к ним приступалась, разглядывала великолепные иллюстрации, узнавала что-то новое о маминной родине. А сейчас, после 20 с лишним лет работы в Заповеднике, снова перечитываю их, совершенно по-новому (как обычно и случается с хорошими книгами) - и вижу новые смыслы, нахожу полезное для себя и для работы, и только сейчас начинаю понимать, какой удивительно одаренный, тонкий, мудрый человек был их автор — Семён Степанович Гейченко.

Е.С

Книга для меня не предмет эстетического наслаждения, я не просто книголюб, книголюб, у которого книга как брошка, модный фрак, нет, для меня книга — пособие, помощник, добрый советчик, превосходный увлеченный собеседник, источник всего сущего, способный обогатить, одушевить, скрасить бытие. И поэтому я знаю, где что у меня лежит.

Ближе всех книги о Пушкине, заповеднике, исторические труды, которые являются для меня своеобразной энциклопедией. Личная библиотека всегда своего рода - энциклопедия хозяина...

С.С. Гейченко

Из книги А.В. Ларионова «Заповеди блаженства». 1999

Сельцо Михайловск

Мастер света

15 марта 2013 года исполняется 75 лет фотографу Виктору Васильевичу Ахломову. Дважды в Научно-культурном центре Пушкинского Заповедника прошли его авторские выставки из личной коллекции - «Поэзия портрета» (2009) и «Пушкинский праздник поэзии в фотографиях Виктора Ахломова» (2010). В первом случае зрители смогли познакомиться с великими, выдающимися, известными деятелями нашей культуры – Анной Ахматовой, Д.С. Лихачевым, П.Г. Антокольским, А.А. Тарковским, Б.Ш. Окуджавой, Е.В. Колобовым и другими (всего 34 фотографии), увиденными «золотым глазом» ахломовского объектива. Во втором – малым числом из 20 снимков удалось передать атмосферу будней и праздников Пушкинского Заповедника 1960-х – 1980-х годов. Ставшие уже историческими репортажи о Праздниках поэзии или других знаковых событиях музея сочетались естественно – как в жизни автора – с образцами художественной фотографии, выстраивая единый сюжет. При этом в репортаже проступала художественная завершенность образа, а художественная фотография прочитывалась как документ истории. Такова природа настоящего мастерства.

Ахломов снимал все Праздники поэзии, начиная с 1968 года. И с тех пор сделался частым гостем Пушкинского Заповедника, добрым знакомым, своим человеком в этих местах. На выставке 2010 года в подборе фотографий нами намеренно не выдерживалась хронология. Они были соединены по тому принципу, который отличает книгу стихов от собрания стихотворений. Читатель знает, как порою таинственно сцепляются они между собою в книге, поддерживая друг друга, проливая дополнительный свет и обнаруживая новые оттенки первоначального замысла. Так же была организована и выставка «Мое Михайловское. Виктор Ахломов» (2011) из музейных фондов, посвященная 100-летию первого михайловского музея.

Чему бы ни были посвящены выставки Ахломова, главным их героем остается Время. Время, вроде бы захлопнутое, по словам Беллы Ахмадулиной, «ловушкой снимка», но, слава Богу, не остановленное, продолжающее свое движение, рождающее личные переживания, ассоциации, воспоминания и надежды.

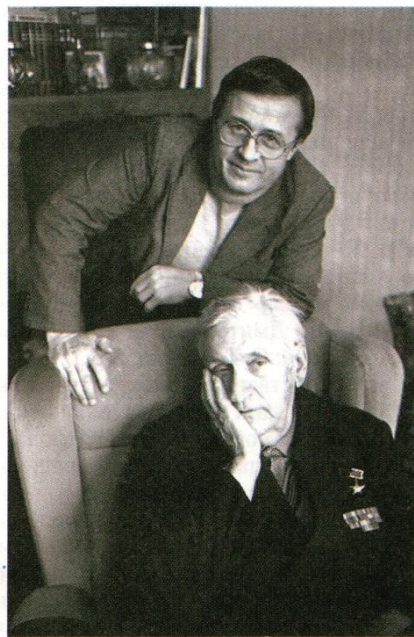
«...А в последнее время всё чаще вместе с художниками приезжают в заповедник ведущие мастера отечественной фотографии. ... Одним из таких мастеров, с которым у нас давняя и крепкая творческая дружба, является Виктор Ахломов. Я доверяю его вкусу, его чутью, его глазу. Он - художник, а фотография – его жизнь.

Именно они, эти люди – писатели, художники, журналисты, фоторепортеры – сделали наш заповедник знаменитым. Они открыли картины живой пушкинской природы, его духа и сделали их достоянием всех. Поэтому и наша им особая сердечная благодарность» (С. Гейченко. Пушкиногорье. 1981).

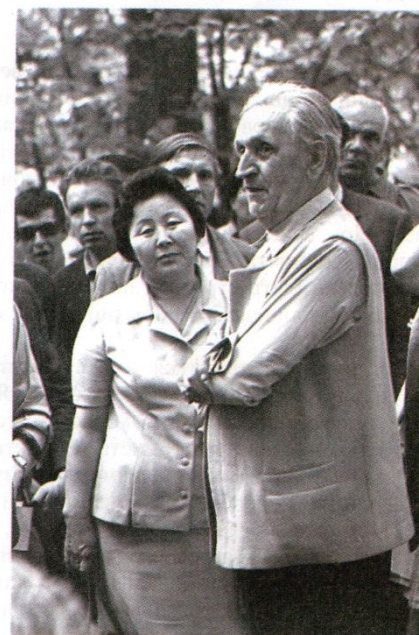
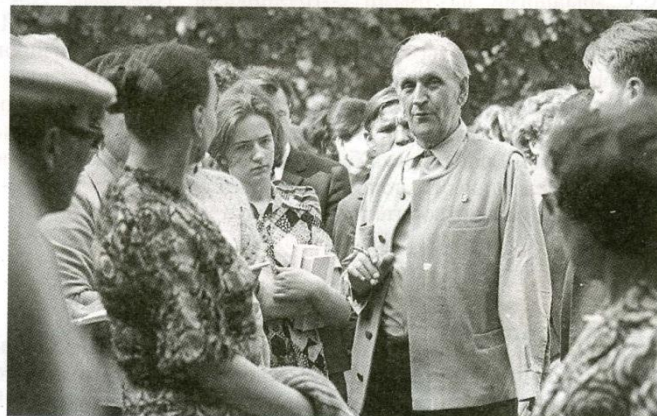
«Фотография» в переводе с греческого означает «светопись». Стало быть, фотограф – тот, кто пишет светом – или, говоря словами Ахломова, пытается «рисовать свои впечатления и мироощущения с помощью света и химии». Но не всякому, добавим, удастся при этом сохранить и передать ощущение особого света - света удивленной, пристальной и благодарной любви к миру и людям. От черно-белых фотографий Виктора Ахломова этот свет идет.

Остается добавить, что В.В. Ахломов недавно передал в фонд Пушкинского Заповедника около 3 500 негативов, одарив нас интереснейшим материалом для изучения музейной истории и творческой биографии Мастера.

*И.Ю. Парчевская,
ведущий специалист*

ое и его обитатели

Из материалов к виртуальной выставке, посвященной 110-летию С.С. Гейченко и 75-летию В.В. Ахломова

Рукою Гейченко

В отделе учета музейных фондов Пушкинского Заповедника имеется немало автографов С.С. Гейченко. Приводим четыре из них как пример непосредственного участия директора в самых разнообразных фондовых делах и заботах.

Акт

с. Михайловское, 10 июля 1954, составлен директором Пушкинского заповедника С.С. Гейченко, заместителем директора по научно-музейной части заповедника Л.И. Смолиной и уборщицей А.Ф. Федоровой в том, что сего числа нами произведена проверка замков и петель в витринах и шкапах в Доме-музее Пушкина в с. Михайловском, в которых хранятся музейные ценности. В результате проверки выявлено, что в большинстве шкапов и витрин замки неисправные, петли для укрепления печатей сломаны или утрачены. Для предупреждения хищения музейных ценностей и содержания витрин в порядке, считаем необходимым срочно произвести ремонт замков и петель для накладки печатей. На время ремонта замков и петель экспонаты изъять из экспозиции в музейный фонд...

Акт

с. Михайловское 8 февраля 1956 г. Составлен директором Пушкинского Заповедника Гейченко, С.С., младшими научными сотрудниками Тепловым А.Ф. и Бозыревым В.С. и рабочим Заповедника Ивановым А.И. в том, что т. Ивановым, А.И. была произведена бронзировка золоченых 5 (пяти) кресел, находящихся в научной части. На проведенные работы было израсходовано один флакон разбавителя и пакет бронзовой пыли, полученных со склада заповедника. Бронзировка была произведена, так как позолота со ступеней почти полностью вытерлась. Работа была выполнена удовлетворительно и принята нами...

Когда люди уходят, остаются вещи. Безмолвные свидетели радостей и горестей своих бывших хозяев, они продолжают жить особой таинственной жизнью. Нет неодушевленных вещей, есть неодушевленные люди...

Я занимаюсь жизнью и творчеством Пушкина почти всю свою жизнь, но, мне кажется, я только сейчас начинаю постигать душу его вещей, тайну их эмоциональной наполненности...

Нужно понять предназначение каждой вещи и через это подойти к пониманию внутреннего состояния своего героя: как он смотрел, поворачивал голову, держал перо, болтал ногами?... Истинный вещевед, как писатель, должен перевоплотиться в своего героя, до мелочей понять его характер, скрупулезно изучить все привычки, проникнуть в его мышление. Но если писатель может и даже должен фантазировать, сочинять, менять сюжет своего произведения, то вещевед обязан быть строгим документалистом, следовать за ходом давно прошедших событий день за днем, час за часом...

Словом, нужно заниматься «материализацией» памяти, повторять, нужно быть профессионалом... Я имею в виду настоящий профессионализм, который есть суммарный результат глубокого знания предмета и практического опыта. И путь к такому профессионализму никому не заказан – садитесь за книги, справочники, учебники, изучайте, ищите, думайте! И только когда вы почувствуете, что начинаете постигать характер и мысли своего героя, начинаете понимать, что двигало его творчество, когда его жизнь становится частицей вашей жизни, - тогда вы совсем другими глазами начнете смотреть и на его вещественный мир.

С.С. Гейченко

Два чувства. Из книги «Завет внуку». 1986

В.В. МЕШКОВ. ДОМ В ТРИГОРСКОМ. 1916

12. III. 56

Директору Всесоюзного музея Пушкина
г. Калаушину, М.М.

Я получил письмо от А.Ф. Чижовой, жены владельца картины «Дом в Тригорском», написанной в 1916 г. В.В. Мешковым. В своем письме она сообщает о неожиданной смерти мужа и настоятельно требует за картину не 3000, а 3500, как было первоначально решено Закупочной комиссией ВМП. В противном случае она просит картину ей вернуть. Настоящим прошу переоценить картину, так как считаю приобретение ее для музея заповедника весьма нужным.

<Подпись>

28.1.64

Отв. хранителю музейного фонда Пушкинского Заповедника

В.Я. Шпинева

БРОШЬ КОСТЯНАЯ

При сем прилагаю переданную мне в Ленинграде в дар музею Заповедника брошь костяную, якобы принадлежавшую Е.Н. Вревской. Эта брошь передана мне гр. Малиновской Галиной Васильевной (прож. в Ленинграде, ул. Зайцева, 26, кв.19). По словам владелицы, эта брошь приобретена ею в 1928 г. у жительницы

Голубово, где в то время проживала Малиновская. У нее же она купила туалетный фарфоровый кувшинчик, ранее переданный ею в дар Заповеднику. Сейчас этот кувшинчик находится в Тригорском.

Фамилию человека, у которого она в 1928 г. приобрела эти вещи, Малиновская запомнила.

<Подпись>

Материал подготовила Е.В. Петрова

Когда вы проходите по маленьким комнаткам сельского домика Пушкина, вы смотрите на все с волнением необычайным, хотите увидеть, рассмотреть все, все, все и в каждой вещи ищите эхо его хозяина.

Вещи, принадлежавшие Пушкину, для нас особенно дороги, ибо они не только вещи эпохи – это реликвии, это часть самого Пушкина, его тень, его личное свидетельство о своей жизни, трудах, надеждах, муках. О как интересна судьба реликвий Пушкина! Одни молчаливы и даже вовсе немые, ни сам хозяин, ни его родственники и друзья почти ничего не говорят о них; рассказ о них как бы запечатан семью печатями. Другие давно утрачены, и от них сохранились лишь копии.

В числе реликвий, хранящихся в Михайловском доме поэта, есть железная трость Пушкина, о которой мне хочется поведать паломнику и читателю...

С.С. Гейченко

Посох Пушкина. Из книги «У Лукоморья». 2013

Поэт напоминает нам, что в жизни каждого человека некоторые истины постигаются дважды; первый раз, когда он молод, и вторично, когда накопил мудрость и жизненный опыт. "Вновь я посетил..." - стихотворение неоконченное. Быть может, Пушкиным это сделано сознательно?.. Он хочет, чтобы грядущее поколение помянуло его добрым словом. А чтобы его помнили, нужно оставить по себе добрую память. Ибо дорого человеку лишь то, что он он сделал добро и любо, особенно то, что далось ему нелегко. И каждый человек должен стремиться оставить после себя хороший след своими делами, своим трудом, своим творчеством... Таков высокий смысл элегии.

С.С. Гейченко

Процальная элегия поэта и реликвии ее.
Из книги «У Лукоморья». 2013

Вспоминая Хранителя

Везде – везде –

*Мне греет сердце милый,
близкий*

*Земли священный уголок.
А.И. Смердов*

Ставшие далекими для меня 60-е годы XX века. Восстановление Пушкинского Заповедника. Восстановление Михайловского.

5-8-летние девчонки и мальчишки, жившие близ пушкинского сельца в деревеньках Бугрово, Гайки, часто бывали в то время на усадьбе поэта. Деревенская, неограниченная свобода, предоставленная нам родителями, работавшими с утра до вечера, давала возможность обследовать окрестности наших деревень.

В рощах Михайловского мы ловили ужей, у Черного пруда, замирая, слушали говор серых цапель, в старом господском парке собирали грибы и ягоды. Наевшись черники, направлялись к Сороти. Путь пролегал через сельцо.

Семен Степанович Гейченко, часто видевший нас тогда близ господского дома, благоволил к нам: привечал добрым словом, угощал сладостями. Наверное, мы вносили некий колорит в жизнь музейной усадьбы. Босоногие, чумазые, в полинявших ситцевых платящих, вероятно, мы напоминали посетителям Михайловского, Семену Степановичу детей дворовых крестьян поместья.

Шли годы. И вот я – экскурсовод Пушкиногорского экскурсионного бюро. Моя первая экскурсия в Михайловское. С группой экскурсантов от турбазы (она находилась в д. Воронич) направляюсь в сельцо А.С. Пушкина.

«Три сосны»; «дорога, изрытая дождями»; озеро Маленец; «холм лесистый»...

Туристы, весело переговариваясь, разбрелись по склону, покрытому майской, нежной травкой.

Завидев нас от «Домика няни», идущих по яркой зелени холма, Семен Степанович поспешил навстречу. Его грозный вид для меня не предвещал ничего хорошего.

Приблизившись к группе, спросил громко: «Кто экскурсовод?». Втянув голову в плечи, съезжившись, выйдя из толпы, робко отвечаю: «Я...».

Полагаю, экскурсоводы поймут моё полуобморочное состояние. Думаю, они догадываются в каком ключе велась «беседа» меж «Хранителем пушкинских мест» и мною.

Я благодарна судьбе за ту нечаянную встречу с Гейченко. Тогда мне, начинающему экскурсоводу, он попытался привить благовейное отношение к селенью, лесу, дикому садику А.С. Пушкина, малому саду, берегу сонных вод, к зеленому скату холмов, ибо они были знакомы вдохновенно поэту.

*Т.А. Сазонова,
экскурсовод*

Как Семен Степанович печатное слово уважал

Почти десять лет я работала корреспондентом родной газеты «Пушкинский край». Это было замечательное время. Коллектив редакции газеты был, в основном, достаточно молодой.

Редактор Александр Матвеевич Савыгин, человек опытный и с большим журналистским стажем, старался, чтобы газету читали. Особенно «на ура» шли выпуски, посвященные пушкинским датам. Нужно ли говорить о том, что дружба Александра Матвеевича с Семеном Степановичем Гейченко немало этому способствовала. Знакомцы они были старые. В послевоенное суровое время наш, еще молодой, редактор не только описывал события, происходившие в Заповеднике, но и сам в них активно участвовал.

Страница «Пушкиниана» всегда была интересной в нашей газете. Она пестрела статьями научных работников и директора Заповедника, краеведов, школьников и паломников об удивительных находках в изучении пушкиноведения,

стихами самого Пушкина и его скромных последователей, фоторепортажами о проведении очередной даты или Пушкинского праздника – День Поэзии. Причем, то наш редактор отправлялся к Семену Степановичу, то сам С.С. Гейченко появлялся в редакции. Они долго обсуждали, как расположить материалы, как оформить очередную страницу.

Мы тоже праздновали свой день – День печати - двумя коллективами, редакции и типографии. И вот накануне такого дня, на планерке, редактор нас обрадовал: «Семен приглашает к себе в Михайловское. Готовится. А что! Погода замечательная. В Михайловском-то давно были?».

Этот вопрос остался без ответа. Все скромно промолчали...

День 6 мая 1987 года навсегда остался, думаю, не только в моей, но и в памяти многих моих коллег и друзей. Погода, действительно, порадовала – все распускалось, цвело и благоухало. Вспоминали пушкинское:

*Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года.*

Принаряженные, мы вступили в Михайловское. Прямо у ворот нас уже ждал... «Домовой». Глаза его лукаво сверкали. «Это сколько же вас, гостей, понаехало. Здравствуй, племя молодое! Здравствуй, Сашка!» - похлопал Семен Степанович по плечу нашего маститого редактора. Тот расцвел. Наверное, это обращение вернуло его в те далекие времена, когда он был худеньким и курчавым паренком.

Тут же, не выходя из образа, Семен Степанович позабыл нас байкой собственного сочинения про мужика, барина и про ту самую пушечку-мортирку у ворот...

Пройдя по Дому-музею с Семеном Степановичем, мы были препровождены им во флигель бывшей Колонии для престарелых литераторов. Именно в этом здании и находились, в то время, административная и научная части Заповедника. Стены большой комнаты были украшены портретами псковских дворян. И тут Семен Степанович снова преобразился. Перед нами уже был настоящий русский интеллигент с большой буквы. Он заговорил увлекательно, прекрасным литературным языком. Поздравил нас с праздником, рассказал об истории печати. Конечно же, С.С. Гейченко обращался к А.С. Пушкину. Рассказал, как переживал Александр Сергеевич, когда при издании искажали текст им написанного или делали грамматические ошибки. Как поэт ратовал за чистоту русского языка.

Семен Степанович поблагодарил коллективы за то, что вместе с музеем много лет редакция и типография пропагандируют пушкинское наследие, освящает все события, связанные с жизнью и развитием Заповедника... Потом он проводил нас до самого своего дома, шутил и смеялся. Он умел принимать и занимать гостей.

Покинули мы Михайловское в приподнятом настроении.

*Л.И. Корчагина,
экскурсовод*

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ «ПУШКИНСКИЙ КРАЙ»
В ГОСТЯХ У С.С. ГЕЙЧЕНКО, 6 МАЯ 1987
ФОТО В.В. АХЛОМОВА

Как я «пила чай» с С.С. Гейченко

Я не была знакома с Семёном Степановичем Гейченко и, следовательно, не могла пить с ним чай на легендарной веранде с самоварами, но анекдот о том, как это всё же было и к чему привело, в моей семье существует.

На одном из курсов института историю России нам преподавал интересный, но довольно сложный человек Л***, много лет отдавший музейной деятельности, хорошо знавший С.С. Гейченко и имевший, по слухам, с ним давние профессиональные разногласия. А потому он ревностно относился к тем, кто жил и работал в Пушкинских Горах, если таковые находились среди его студентов. По институту, как водится, среди студентов ходили всевозможные слухи о разных преподавателях, главным образом, об особенностях сдачи им экзамена. Л*** был знаменит эрудицией и образованностью поколения гуманитариев, рожденных в начале двадцатого века, доскональным знанием предмета и повышенной требовательностью на зачётах и экзаменах. Но, самое главное, это был преподаватель, которому приходилось пересдавать экзамен 2, 3, 5, 7 раз...

У нашего курса был зачёт по предмету. Как человек высокообразованный Л*** не понимал, как можно сдавать историю государства, не зная художественной литературы, освещающей те или иные страницы истории. Поэтому перед подготовкой к сессии, помимо вопросов об исторических событиях того или иного периода, мы получили огромный список литературы. Надо признать, что нам были предложены «золотые» страницы художественной и мемуарной литературы. Но общая беда студентов — нехватка времени на самое важное, — существовала и будет существовать всегда. Конечно, мы не успевали прочесть всё. Старательно пересказывали друг другу прочитанное. Но, если на сдаче экзамена по художественной литературе пересказа хватало на то, чтобы ответить на вопросы по тексту, то на экзамене у Л*** это не проходило. Беда была в том, что любил он спрашивать не просто о прочитанном, а вникая в мельчайшие детали, которые читатель часто пропускает, считая их совершенно не имеющими значения для осмысления всего текста. Горе было тому студенту, который не мог ответить, «из какого по счёту окна дворцовой галереи выпрыгнул поручик N...»

На экзамене в билете было два вопроса. Один «исторический», другой по какому-либо произведению. Вопрос по истории не затруднил меня, а вот по литературе заставил задуматься, «быть или не быть», в данном случае, сданному зачёту. Произведение-то мне досталось замечательное: «Записки...» И.И. Пущина, но беда в том, что читала я его давно, а не перед сессией, и в деталях могла путаться... Все сомнения опали, когда подошла моя очередь отвечать. Мой ответ на вопрос — откуда я приехала — вызвал у преподавателя довольно и многозначительное: «Ага-а-а...», заставившее моё сердце провалиться «в пятки». Следующий вопрос привёл в не меньший трепет: «Ну, что? Пьёшь чай с Гейченко у самоваров?..». Мои робкие попытки ответить, что с уважаемым Семёном Степановичем я незнакома и не могу быть в числе тех, кто это делает, привели только к последующим милейшим улыбкам и хмыканьям. Было стойкое впечатление, что мой ответ о событиях истории его совершенно не интересует, и, глубокомысленно поглядывая на меня, то краснеющую, то бледнеющую, Л*** явно что-то задумал. В полной уверенности в каверзости преподавателя, по поводу второго вопроса я не нашла ничего лучшего, как признаться, что не читала «Записок». Было очень стыдно, но страх запутаться в ответе победил. Интонация вопроса о «чае с Гейченко» оказалась важнее неловкости признать себя безграмотной.

К пересдаче зачёта я готовилась основательно, стараясь не упускать деталей, но блеснуть знаниями этих деталей мне не удалось. Л*** поинтересовался, что именно я не смогла ответить прежде, спросил, успела ли я прочитать и понравилось ли мне прочитанное. Только я приготовилась к дальнейшему испытанию, как мне, мило улыбнувшись, поставили «зачёт» и попросили удалиться, дабы не мешать всем жаждущим поделиться обретенными знаниями.

Вспоминая сегодня эту, единственную в моей студенческой жизни, пересдачу экзамена, я очень благодарна Л***. Этот опыт стыда и неловкости заставил меня сделать определённые выводы. Во-первых, что «у страха глаза велики» и не стоит бояться события до того, как оно случится, а во-вторых, теперь я стараюсь внимательно читать всё, что предстоит прочесть, не упуская деталей. Порой именно они открывают нам главное.

...Чай на веранде Семёна Степановича пить мне так и не пришлось, а легенда осталась. Ведь легенды тоже должны быть.

Л.Н. Беляева,

начальник отдела музейной научной библиотеки

Художник и музей

В собрании изобразительного искусства Пушкинского Заповедника хранится коллекция пейзажей Владимира Павловича Кранца, 45 работ. Все они, кроме одной, были подарены музею после персональной выставки художника, состоявшейся в залах Дома-музея Петровского в 1979 году. Художник скопировал их на картоне и принёс, как он пишет, «свой скромный дар — сорок четыре живописных полотна, отражающих природу дорогих всем нам славных мест».

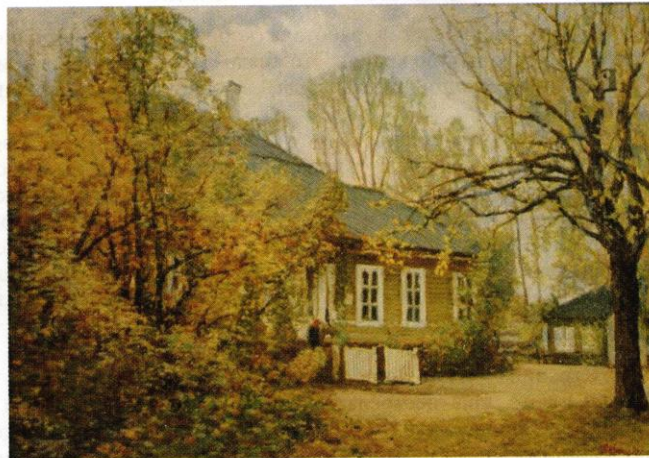
В.П. Кранц родился 17 февраля 1913 года в Моздоке, в 1940 году окончил архитектурный Ленинградский инженерно-строительный институт. С 1957 года — участник многочисленных выставок. Мастер лирического пейзажа. Основной жанр, в котором работал художник — культурно-исторический ландшафт. Первая персональная выставка состоялась в 1964 году, всего их было семь. До 1992 года — член Санкт-Петербургского Союза художников. Работы хранятся в частных и музейных собраниях нашей страны и за рубежом.

Семён Степанович Гейченко в 1980 году писал: «Картины Кранца лиричны, задушевные. Они радуют сердца всех людей — и молодых, и старых. Природа нашего края, «красою вечною сияющая», воспета художником в самых разных моментах её бытия, во все времена года. В полотнах его «зримо» звучат осенние, весенние, зимние мотивы лирики Пушкина».

С того времени прошло более тридцати лет. За эти годы пейзажи В.П. Кранца не раз экспонировались на выставках в Пушкинском Заповеднике, Москве, Пскове, представляя наше собрание изобразительного искусства, пушкинские места людям, никогда здесь не бывавшим или тем, кто однажды посетил «приют спокойствия, трудов и вдохновенья». И неизменно михайловская пейзажная серия находила лирический отклик в душах зрителей. Художника отличает удивительная способность передавать в красках состояния природы. В его картинах «роняет лес багряный свой убор, / Сребит мороз увянувшее поле», и «лето красное», и «прозрачные» весенние леса.

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения В.П. Кранца. Он относится к плеяде того поколения художников, которых ввёл в музейную летопись Михайловского С.С. Гейченко и которыми написана эта послевоенная пейзажная история Заповедника.

О.Н. Сандалюк, хранитель ИЗО

В.П. КРАНЦ. УСАДЬБА ПОЭТА. 1978

У меня зазвонил телефон...

У меня зазвонил телефон, я взяла трубку и услышала голос уникального в некотором отношении человека. Уникального не только потому, что он внёс большой вклад в дело развития Пушкинского заповедника, но и потому, что его непрерывный стаж работы в одной организации составляет (даже трудно представить!) шестьдесят лет. Конечно, это был Владимир Семёнович Бозырев. Он сказал: «Лена, я разбирал свой фотоархив и обнаружил сделанный в Сыктывкаре снимок, на нём Володя Самородский и ещё две дамы, причём одна из них - ты, только никак не пойму, которая. Что у тебя в то время было на голове, мочалка или барашек?» - «Барашек», - не моргнув глазом, ответила я.

Вскоре Владимир Семёнович подарил мне эту замечательную фотографию, и в моей памяти всплыли «дела давно минувших дней». В середине семидесятых Пушкинский заповедник устраивал передвижные выставки из собрания фондов. Они давали возможность заочно познакомиться с нашими местами и, через это знакомство, как бы прикоснуться к Пушкину тысячам людей, живущих в разных уголках нашей огромной Советской страны. Как правило, монтировали и открывали выставку зам. по науке Владимир Семёнович Бозырев и художник-реставратор Володя Самородский, затем они уезжали, а с выставкой оставался кто-либо из экскурсоводов заповедника. Осенью 1975 года таким экскурсоводом посчастливилось стать мне. Выставка проходила в столице Коми АССР Сыктывкаре, она пользовалась огромным успехом: экскурсии приходилось проводить непрерывно. Шли школьники, студенты, представители разных организаций, одиночные посетители. Некоторые приходили повторно и приводили друзей. Видно было, что выставка дарит людям радость общения с прекрасным, праздник встречи с Пушкиным. В результате, Министерство культуры Коми обратилось к Пушкинскому заповеднику с просьбой продлить выставку ещё на две недели, а мне поручили подготовить себе замену с тем, чтобы самой поехать с лекциями о Пушкине в болгарские поселения, находящиеся в парме (так в тех краях называют лесные массивы, раскинувшиеся на сотни километров), расположенные в четырёхстах километрах севернее Сыктывкара и довольно далеко друг от друга. Здесь жили лесорубы, занимающиеся заготовкой древесины для Болгарии, и я должна была рассказывать нашим братьям-болгарам о Пушкине и о Пушкинском заповеднике. Лекции проходили в школах, в больнице, в красных уголках, в конторах - и всюду меня сопровождал приставленный ко мне телохранитель-переводчик. В свободное от чтения лекций время он знакомил меня с жизнью посёлка, с болгарской культурой, обычаями и языком. Мы посещали выставки, репетиции драмкружка, мне даже удалось побывать в одном из общежитий лесорубов. Комната, в которую меня пригласили, была обставлена более чем скромно: в центре её стоял большой стол, несколько табуреток, в углу шкаф, а вдоль стен шесть кроватей. Хозяева пригласили меня присесть, завязался непринуждённый разговор. Все болгары говорили по-русски, кто хорошо, кто похуже, да и я уже начинала немного понимать их язык, тем более, что он походил на наш. Я спросила у ребят о том, что привело их из солнечной, тёплой Болгарии в северную лесную глухомань. Я ожидала услышать ответ: «романтика», но ничего подобного не прозвучало. Эти парни не витали в облаках, они честно признались в том, что кто-то приехал на заработки, кто-то чтобы изнутри узнать жизнь нашей страны, а кто-то для того, чтобы жениться на русской девушке, вот только девушки не слишком разборчивы, - посетовали парни, - предпочитают болгарам турков, а эти турки, мало того, что другой веры, так ещё и жестоки, и к женщинам плохо относятся - болгары не такие. «Так здесь и турки живут?» - удивилась я. - «А как же, половина населения посёлка - турки, но в нашей комнате одни болгары». «Как же турка от болгарина отличить?» - поинтересовалась я. «Нет ничего проще, турок, он и есть турок», - последовал ответ.

И всё-таки мне удалось увидеть турка. Я поездом возвращалась в Сыктывкар, напротив меня сидел ничем не примечательный шупленький парнишка, его рослые крепкие соседи о чём-то с ним оживлённо беседовали, и, как мне показалось, подтрунивали над ним. Когда паренёк вышел, ребята мне объяснили, что наш сосед по купе приехал в эти края, чтобы жениться на русской, срок контракта заканчивается, а у него так ничего и не вышло. Я пожалела мальчонку, на что получила ответ: «Нечего его жалеть, он - турок».

Болгары жили и трудились вместе с турками, но, видимо, генетически их недолюбливали, как потомков жестоких завоевателей болгарского народа. При этом они восхищались, как дружно в то время жили в нашей огромной стране люди разных национальностей, сохраняя свою культуру, одновременно обогащаясь культурой других народов. Общаясь с болгарями, я чувствовала, с каким уважением они относятся к русскому народу, как к народу-освободителю болгар от османского ига. Многие из те, с кем я общалась, знали о национальном герое болгарского народа Александре Пушкине, сыне первого поэта России, знали и о Юлии Вревской, красавице-фрейлине, покинувшей высший свет и уехавшей в охваченную войной Болгарию, чтобы выхаживать раненых, оказывать медицинскую помощь болгарскому населению. Однако для большинства из них было открытием, что Юлия Петровна Вревская доводилась невесткой близкому другу Александра Сергеевича Пушкина Евпраксии Николаевне Вревской (урождённой Вульф).

Моя командировка подходила к концу, я вместе с музейными рабочими упаковала ценнейшие экспонаты для отправки их в обратный путь, сложила в чемодан личные вещи, а также приобретённый в болгарском магазинчике, словно пропитанный солнечным светом, запахом трав и мёда лукум, томаты в собственном соку и, напоминающие вкус раннего детства, консервированные голубцы. Чемодан получился неподъёмный. С этим чемоданом я отправилась на самолёт. В Пулково была пересадка, и там, в аэропорту, я случайно повстречала Владимира Семёновича Бозырева, он ожидал свой рейс. Конечно, я обрадовалась, но в то же время и смутилась, подозревая, что он предложит донести мой чемодан. Конечно, так оно и произошло: Владимир Семёнович как настоящий мужчина выхватил у меня из рук моё сокровище и перекосялся на один бок. Он с удивлением спросил: «Что у тебя там, кирпичи?», на что я с достоинством ответила: «Нет, книги!». Ну как я могла признаться этому уважаемому человеку, заместителю директора Пушкинского заповедника по науке, что болгарские голубцы в тот момент меня волновали больше чем книги?

*Е. В. Хмельёва,
методист Пушкинского Заповедника*

Е. В. ХМЕЛЕВА (СЛЕВА) И В. А. САМОРОДСКИЙ В СЫКТЫВКАРЕ. 1975
ФОТО В. С. БОЗЫРЕВА

Двадцатый февраль Александра Пушкина

Впору снимать шляпу перед Владимиром Рецептером и теми, кто вместе с ним два десятилетия, из года в год, устраивал и устраивает в Пскове и в «Михайловском» Пушкинский Всероссийский театральный фестиваль: в нестоличной России столь масштабные проекты так долго не живут. В пору подготовки пушкинского 200-летия играть эту фестивальную «мега-пьесу» было чуть проще, но в пору постюбилейную – безумно сложно: и поток пушкинских спектаклей (читай – выбор работ, достойных Пушкинского фестиваля) стал обмелевать, да и деньги дотационной области добыть на неюбилейное мероприятие куда сложнее, чем «под дату». Добавьте сюда смены властей разного уровня и прочее, прочее.

Но – дожили, сохранили, переживая взлёты и преодолевая болезни роста. За двадцать лет театрального фестиваля сменилось поколение актёров и режиссёров, обращающихся к творчеству Пушкина. А сам «псковский смотр» стал неотъемлемой частью жизни современного русского театра, хотя бы потому что ни один другой фестиваль не работает так систематически и глубоко, не обращается так подробно и вдумчиво равно как к драматургическим, так и, на первый взгляд, к совсем не театральным, прозаическим и поэтическим произведениям первого поэта России.

Порядка трёхсот драматических и оперных спектаклей, поэтических и музыкально-литературных программ с участием именитых профессионалов и скромных любителей, из столиц и из провинции видела фестивальная публика за эти годы. Спектакли на русском, на французском, на литовском, на якутском... Щемяще-личные и абстрактно-символические. Имевшие успех и потерпевшие полный, оглушительный провал – заработать свист интеллигентного и, в общем-то, доброжелательного нашего зрителя, это, впрочем, тоже надо было суметь!..

И все эти двадцать лет, – не в обиду Пскову будет сказано, – именно в Святогорье, в Пушкинском Заповеднике происходили самые интересные театральные события. Именно здесь шёл «Борис Годунов» Деклана Доннеллана - с прекрасными русскими артистами и головокружительными спецэффектами, вплоть до настоящего бассейна, устроенного посередине театрального зала в НКЦ. Именно здесь давали и державного «Годунова» в постановке Олега Ефремова – на дворе стояла середина 1990-х. А через какие-то десять лет здесь уже играли лже-Годунова – в спектакле «Самозванцы» Ивана Ставиского и театра-студии «Пушкинская школа»: страшный и очень современный спектакль о лжи, проевшей мир насквозь, когда самозванцами оказываются все вплоть до юродивого, летучей мышью парящего над самозванным храмом, сложным из алюминиевых «солдатских» кружек и хвостатой репки. Именно здесь публика и критики до хрипоты спорили о «Жадном Джамбе» актёра Ильи Деля и режиссёра Дениса Ширко – о «Скупом рыцаре», прочитанном так, как мог бы рассказать его шаман какого-нибудь африканского племени и при этом не потерявшем ни одного пушкинского слова...

Впрочем, понадеемся: то ли ещё нас ждёт впереди! Ведь, по сути, театр наш ещё в самом начале своей пушкинской дороги.

Лидия Токарева

10 ФЕВРАЛЯ 2008. ВЫСТУПАЕТ В.З. РЕЦЕПТЕР
ФОТО Н.В. АЛЕКСЕЕВОЙ

СЦЕНЫ ИЗ СПЕКТАКЛЕЙ ТЕАТРА «ПУШКИНСКАЯ ШКОЛА»
ФОТО Н.В. АЛЕКСЕЕВОЙ

ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК

Музейно-информационное издание
Выходит с июня 2012 года.

Учредитель: Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское»
Адрес: 181370, РФ, Псковская обл., Пушкиногорский р-н, с. Михайловское.

Наши спонсоры:

Главный редактор Н.Б. Василевич
Редакционная коллегия: Т.С. Новикова, И.Ю. Парчевская, Е.Г. Степанова, П.А. Терещенко, Е.Н. Севастьянова, Л.А. Токарева
Тираж 500 экз. Заказ № 128. Отпечатано в ГП ПО «Псковская областная типография»
Распространяется бесплатно.

Служба информации:
тел./факс: (81146) 2-13-73; e-mail: informpg@ellink.ru;
Экскурсионная служба (заказ экскурсий): тел./факс: (81146) 2-23-21, 2-26-09;
e-mail: burexpg@ellink.ru;
Научно-музейная часть: тел./факс (81146) 2-28-77;
e-mail: naukapg@ellink.ru; rabotapg@mail.ru;
Интернет-сайт: www.pushkin.ellink.ru